

ИППІАСЪ МЕНЬШІЙ.

ИППІАСЪ МЕНЬШІЙ.

ВВЕДЕНІЕ.

Диалогъ Платона, въ Стефановомъ сборникѣ озаглавленный именемъ «Иппіаса меньшаго» (Ἰππίας ἑλάττω), принадлежитъ къ числу сочиненій весьма загадочныхъ и нелегко поддающихся философской критикѣ. Обоюдностію своего содержанія и цѣли онъ почти столько же затрудняетъ изслѣдователя, сколько «Федръ» — неопредѣленностію своей формы и кажущимся недостаткомъ единства. Поэтому нѣкоторые германскіе критики, вопреки ясному свидѣтельству Аристотеля (*Metaph. V, 29, 1025 a. b*), который «Иппіаса меньшаго» разсматривалъ, какъ сочиненіе Платоново, почитаютъ его подложнымъ.

Лицо, бесѣдующее съ Сократомъ въ «Иппіасѣ меньшемъ», есть тотъ-же самый элейскій софистъ Иппіасъ, который разговариваетъ съ нимъ и въ «Иппіасѣ большемъ». Этими эпитетами — большій и меньшій, — различилъ упомянутые діалоги, по всей вѣроятности, Стефанъ, и за основаніе бралъ, конечно, объемъ ихъ; потому-что «Иппіасъ меньшій», по объему, вдвое меньше большаго. Чтобы облегчить чтеніе и правильное пониманіе этого Платонова разговора, я считаю полезнымъ сперва показать содержаніе и главныя его части, а потомъ войти въ изслѣдованіе коренной его мысли и дѣйствительной цѣли.

Мѣсто собесѣдованія Сократа съ Иппіасомъ у Платона не обозначается; однакожъ видно, что разговоръ происхо-

диль въ одномъ изъ тѣхъ аѳинскихъ учреждений, куда сходились люди всѣхъ сословіи поговорить и послушать. Это могла быть палестра, гимназія, циркъ, портикъ, или что-нибудь подобное. Въ одномъ изъ такихъ-то мѣстъ Иппіасъ теперь показываетъ опыты своего многознанія и, между прочимъ, говоритъ о сочиненіяхъ Омира и прославленныхъ имъ герояхъ троянской войны. Слушатели, какъ видно, уже наслушались, и многіе изъ нихъ разошлись: остались только особенные любители прекрасныхъ рѣчей и философіи. Тогда нѣкто Евдикъ—третье собесѣдующее лице въ «Иппіасѣ меньшемъ»—вдругъ обращается къ Сократу съ вопросомъ: а ты-то что-же молчишь, Сократъ, — не хвалишь и не обличаешь софиста?—Этимъ начинается діалогъ. Сократъ, въ отвѣтъ, проситъ Евдика узнать отъ Иппіаса, угодно-ли ему будетъ объяснить, котораго изъ двухъ своихъ героев — Ахиллеса или Одиссея—Омиръ описываетъ, какъ лучшаго. Евдикъ удовлетворяетъ желанію Сократа; а Иппіасъ съ обыкновенною своею хвастливостію соглашается сдѣлать, чего требуютъ отъ него, и позволяетъ Сократу спрашивать себя. Это — вступленіе въ разговоръ (р. 363 А—364 В).

На вопросъ Сократа: который изъ двухъ Омировыхъ героевъ лучше?—Иппіасъ отвѣчаетъ, что самый бравый изъ нихъ—Ахиллесъ, самый мудрый—Несторъ, а самый изворотливый или хитрый—Одиссей. Но Сократъ, не касаясь Нестора, сравниваетъ только двухъ прочихъ и устанавливаетъ общее положеніе, что *правдивый и лживый—одинъ и тотъ-же*; потому-что и лжецу надобно приписать знаніе о томъ дѣлѣ, которое онъ совершаетъ, и только знающій и способный (*ἀγαθός*) въ состояніи хорошо говорить какъ правду, такъ и ложь: безъ ума и сплутовать невозможно. А потому Ахиллеса, сравнительно съ Одиссеемъ, если послѣдній былъ лжець, нельзя назвать лучшимъ (*ἀμείνον*). Къ этому заключенію Сократъ приходитъ длиннымъ путемъ наведенія, и частые примѣры указываетъ въ области тѣхъ самыхъ наукъ и искусствъ, которыхъ знаніемъ хвастался софистъ, ловко давая замѣтить,

что искусства и науки этого рода человѣку способному не препятствуютъ—какъ обогащаться справедливыми познаніями, такъ и отличать ложью, и лжець отъ того, по своей способности, нисколько не хуже правдиваго, что онъ лжетъ. Такимъ-образомъ Улиссъ, какъ человѣкъ знающій и способный, не только лжець, но и правдивъ; и наоборотъ — Ахиллесъ, по тѣмъ-же самымъ свойствамъ, не только правдивъ, но и лжець. И это доказывается свидѣтельствами самаго Омира. Опутанный сѣтями Сократовой діалектики, Иппіасъ обращаетъ Сократу въ вину эту самую діалектику и укоряетъ его въ томъ, что онъ всегда беретъ частности и выводитъ изъ нихъ общее, а не разсматриваетъ предмета въ цѣломъ—конкретномъ его состояніи; желая-же поддержать прежнее свое положеніе, отличаетъ ложь умышенную отъ лжи неумышленной, и первую приписываетъ Одиссею, а послѣднюю—Ахиллесу. Эта новая, высказанная Иппіасомъ мысль служитъ заключеніемъ первой части діалога (р. 464 В—371 Е).

Но въ этой-же мысли содержится зерно и для дальнѣйшаго развитія бесѣды; ибо, выслушавъ ее, Сократъ тотчасъ предвидитъ возможность результата будущихъ изслѣдованій, что *если Улиссъ лжетъ умышенно, а Ахиллесъ—неумышленно, то первый долженъ быть лучше послѣдняго*, и къ этому результату направляетъ свою діалектику. Иппіасъ свое положеніе прежде всего ограждаетъ общественнымъ мнѣніемъ и гражданскимъ закономъ, опредѣляющимъ наказаніе гораздо снисходительнѣе лжецу неумышленному, чѣмъ умышенному,— и Сократъ, прямо не противорѣча этому, выставляетъ на видъ свое незнаніе въ-отношеніи къ разсматриваемому предмету,—свое колебаніе между противоположными понятіями. Въ настоящемъ случаѣ однакожь онъ чувствуетъ себя подъ вліяніемъ какого-то припадка, который заставляетъ его думать, что согрѣшающіе добровольно лучше тѣхъ, которые согрѣшаютъ неволью; поэтому проситъ Иппіаса исцѣлить его отъ такого недуга краткими отвѣтами на вопросы, и вмѣстѣ съ тѣмъ обращается къ Евдику, чтобы къ его

просьбѣ онъ присоединилъ и собственныя убѣжденія. Такимъ образомъ Евдикъ, расположившій собесѣдниковъ къ рѣшенію перваго вопроса, теперь становится возбуждателемъ ихъ къ разсмотрѣнію и втораго: это, какъ хорошо замѣтилъ Германъ, есть исихическій органъ Сократа, вызывающій Иппіаса къ разсмотрѣнію предлагаемаго предмета. Доказательство, что лжець по доброй волѣ лучше лжеца поневолѣ, идетъ опять путемъ наведенія. Худаго скорохода, бѣгущаго съ медленностію умышленно, говоритъ Сократъ, надобно предпочитать тому, кто медленъ неумышленно. Точно такъ же должно заключать и о всякой дѣятельности тѣла, — о борьбѣ, о пѣніи, о зрѣніи и проч. Подобнымъ образомъ и изъ орудій, и изъ животныхъ лучшими будутъ тѣ, которыми можно злоупотреблять добровольно, чѣмъ тѣ, которыми люди злоупотребляютъ поневолѣ. Да и врачи и музыканты лучше тогда, когда они худо лѣчатъ, или играютъ, — съ намѣреніемъ, чѣмъ тогда, когда дѣлаютъ это ненамѣренно. То же надобно думать и о справедливости. Справедливость состоитъ либо въ силѣ, либо въ знаніи, либо въ томъ и другомъ. Но во всякомъ случаѣ душа, умѣющая и могущая совершать какъ добро, такъ и зло, слѣдовательно согрѣшающая намѣренно, должна быть почитаема лучшею, чѣмъ та, которая дѣлаетъ зло безъ намѣренія. Иппіасъ, сперва подтвердившій всѣ частныя члены наведенія, теперь логически не можетъ подвергать сомнѣнію этотъ общій выводъ, хотя остается все еще необубѣжденнымъ въ его справедливости (р. 371 E — 376 B).

Итакъ Сократъ въ заключеніе выражаетъ свою скорбь, что его недоумѣніе не рѣшено, и что онъ даже отъ мудреца Иппіаса не могъ ничему научиться касательно этого предмета (р. 376 C).

Изъ такого хода и заключенія діалога, кажется, ясно открывается цѣль, съ которою онъ написанъ, и коренная мысль, которую Платонъ старался въ немъ высказать. Цѣлю Платона было здѣсь обличить невѣжество и бездарность Иппіаса,

и показать, что онъ не въ-состояніи опровергнуть и самыхъ очевидныхъ парадоксовъ. Воспользовавшись ученіемъ Сократа, что добродѣтель состоитъ въ знаніи, и умышленно опустивъ важнѣйшее ея ограниченіе, что знаніе и дѣло въ добродѣтели нераздѣльны, Платонъ опредѣляетъ знаніе не какъ разумѣніе добра, но какъ добра и зла вмѣстѣ, и потомъ, нечувствительно перешедши къ дѣланію того и другаго, съ этой точки зрѣнія между правдивымъ и лжецомъ, равно-какъ между справедливымъ и несправедливымъ, устраняетъ всякое различіе. Софизмъ очевиденъ, и однакожь Иппіасъ не можетъ распутать его. Слѣдовательно весь этотъ разговоръ есть не иное что, какъ *діалектическая насмѣшка надъ тупоуміемъ и хвастовствомъ софиста*. Точно такимъ-же образомъ Сократъ у Ксенофонта (Mem. IV, 2. 14 sqq) смѣется надъ заносчивостію юноши Евтидема, который слишкомъ рано началъ гордиться тѣмъ, что собралъ много свитковъ, написанныхъ пресловутыми мудрецами. Съ этимъ мѣстомъ Ксенофоновыхъ «Записокъ» такъ сходенъ Платоновъ «Иппіасъ», что, излагая свой діалогъ, Платонъ едва-ли не подражалъ Сократу въ способѣ приводить въ стыдъ заносчивое юношество. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только прочесть текстъ Ксенофонта. Во-первыхъ, въ немъ замѣчаются почти тѣ-же части, какія различены нами въ Платоновомъ Иппіасѣ: именно, начиная отъ § 14, Сократъ доказываетъ Евтидему, что не видитъ различія между человѣкомъ правдивымъ и лжецомъ; а отъ § 19—убѣждаетъ юношу въ томъ, что человѣкъ, наносящій обиду сознательно и добровольно, лучше, даже справедливѣе того, кто обманываетъ невольно и безсознательно. Во-вторыхъ, и самое изложеніе Ксенофонтова отрывка весьма близко подходитъ къ изложенію Иппіаса. Разговоръ Сократа съ Евтидемомъ Ксенофонтъ передаетъ слѣдующимъ образомъ:

«Кто несправедливъ? спрашиваетъ Сократъ, — тотъ-ли, кто добровольно обманываетъ, или тотъ, кто не добровольно?»

«Я еще не могу, Сократъ, съ увѣренностію отвѣчать на это; потому-что все прежнее мнѣ иначе кажется теперь, чѣмъ

какъ я думалъ тогда. Впрочемъ, пожалуй, скажу, что обманывающій добровольно несправедливѣе того, кто обманывается неволью».

«А кажется-ли тебѣ, что изученіе и знаніе справедливаго походить на изученіе и знаніе грамоты?»

«Да.

«Кого-же назовешь ты бѣльшимъ грамотѣемъ: того-ли, кто пишетъ и читаетъ невѣрно по доброй волѣ, или того, кто неволью?»

«Кто по доброй волѣ.

«Потому-что, еслибы захотѣлъ, могъ-бы дѣлать это и вѣрно? Такъ неправда-ли, что кто пишетъ невѣрно по доброй волѣ, тотъ—грамотѣй, а кто неволью, тотъ—не грамотѣй?»

«Какъ-же не такъ?»

«Но справедливо-ли, что больше знаетъ тотъ, кто добровольно обманываетъ и лжетъ, чѣмъ тотъ, кто неволью?»

«Явно, что больше тотъ, кто—добровольно.

«А не бѣльшимъ-ли грамотѣемъ назвалъ ты того, кто знаетъ грамоту, чѣмъ того, кто не знаетъ ея?»

«Да.

«Слѣдовательно не больше-ли справедливымъ назовешь знающаго справедливое, чѣмъ того, кто не знаетъ?»

«Явно, — хотя и тутъ опять я самъ не понимаю, что говорю».

Читая это мѣсто «Записокъ», нельзя не видѣть поразительнаго сходства его съ содержаніемъ «Иппіаса». Да и цѣль обоихъ разговоровъ—одна и та-же; ибо всею этою бесѣдою Ксенофонтъ старается показать, «какимъ-образомъ Сократъ вразумлялъ тѣхъ юношей, которые, думая, что получили отличное воспитаніе, слишкомъ гордились своею мудростію». После сего можно-ли сомнѣваться, что то-же самое имѣлъ въ виду и Платонъ?

Впрочемъ, кромѣ этой, собственно педагогической цѣли, аѳинскій мыслитель, безъ сомнѣнія, предполагалъ и философскую, на что слегка намѣкнулъ и Евдикъ, сказавъ въ началѣ

діалога: «мы остались одни, и можемъ больше выдавать себя за людей, занимающихся философіею». Въ самомъ дѣлѣ, не было, можетъ быть, времени въ аѳинской жизни, когда Аѳиняне съ такою жаждою стремились философствовать, какъ время Сократа. Тогда и риторы, и софисты, и демагоги, въ портикахъ, въ гимназіяхъ и на площадяхъ,—всѣ и вездѣ являлись философами, судили и рядили, и каждый думалъ, что онъ умѣлъ-бы лучше Перикла управиться съ аѳинскою республикою и гораздо достойнѣе сидѣлъ-бы на престолѣ персидскомъ, чѣмъ Ксерксъ. Тогда всѣ толковали о знаніи, какъ нынѣ толкуютъ о грамотности, образованіи и цивилизаціи, и полагали, что кто обладаетъ этимъ сокровищемъ, тотъ, какъ что ни дѣлай, все будетъ хорошо. Тогда въ знаніи, подобно Сократу, поставляли и добродѣтель, только почитали ее, не какъ Сократъ, знаніемъ иѳическимъ, а какъ Демокритъ, преимуществомъ гражданскимъ, и такимъ образомъ, оставивъ заботу о жизни нравственной, воздвигли идолъ добродѣтели юридической, которая столь-же прекрасно умѣла обижать, притѣснять, похищать и грабить, какъ и выполнять законы честности и правды. Противъ этого—то, односторонне-понимаемаго знанія Платонъ направлялъ разсматриваемый діалогъ и старался доказать, что истинное или иѳическое знаніе не можетъ быть орудіемъ обмана и злодѣйства. Но, излагая свое доказательство, онъ не столько имѣлъ въ виду дѣйствительную истину, сколько нелѣпость противоположнаго ей понятія, т. е. шелъ къ своей цѣли, какъ говорятъ въ школахъ, *obliqua demonstrandi ratione*, или косвенно, стороною, и пришелъ къ заключенію, что согрѣшающій добровольно лучше того, кто согрѣшаетъ не-хотя. Этого нелѣпаго заключенія, не смотря на то, что оно правильно выведено изъ предзанятаго понятія о знаніи, не могъ одобрить и самъ софистъ; слѣдовательно долженъ былъ отвергнуть и то знаніе, изъ котораго оно выведено. Теперь ему оставалось мыслить слѣдующимъ образомъ: добрый человѣкъ, знающій истинное и справедливое, хотя и можетъ лгать и совершать

несправедливости, но его знаніе такъ оживотворено чувствомъ нравственнымъ, что онъ не захочетъ погрѣшать противъ самаго себя, какъ будто бы то-есть не знаетъ того, что знаетъ. Вѣдь и лжець — не тотъ, кто можетъ обманывать и лгать, а тотъ, кто, по слабости природы, не слушаясь знанія, что не должно лгать, получилъ наклонность ко лжи. Отсюда-то вытекаетъ то высокое нравственное положеніе Сократа: «никто не грѣшитъ противъ воли» — положеніе, прямо противорѣчащее послѣднему, выведенному въ «Иппіасѣ» результату.

Что касается до формы и изложенія «Иппіаса меньшаго», то должно согласиться, что въ этомъ отношеніи онъ ниже многихъ подлинныхъ сочиненій Платона. Но это не даетъ намъ права почитать его сочиненіемъ подложнымъ, а только представляетъ основаніе къ заключенію, что Платонъ могъ написать его въ ранней молодости — даже тогда, когда не выходилъ еще изъ школы Сократа и не былъ мыслителемъ самостоятельнымъ.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ:

ЕВДИКЪ, СОКРАТЬ, ИППІАСЪ.

~~~~~

Евд. А ты-то что-же молчишь ¹, Сократъ, тогда-какъ 363. Иппіасъ столь во многомъ себя показываетъ, и не берешься ни хвалить, вмѣстѣ съ другими, что-нибудь имъ сказанное, ни обличать, если иное, кажется тебѣ, нехорошо сказано?—особенно когда мы остались уже одни ², и можемъ больше выдавать себя за людей, занимающихся философіею.

Сокр. И дѣйствительно есть, Евдикъ, о чемъ можно бы съ удовольствіемъ спросить Иппіаса касательно того, что теперь говорилъ онъ объ Омирѣ. Вѣдь я слышалъ и отъ тво- В . его отца Апиманта, что Илиада, поэма Омира, превосходнѣе его Одиссеи,—настолько превосходнѣе, насколько Ахиллесъ лучше Одиссея; ибо изъ этихъ двухъ поэмъ одна написана на Одиссея, другая—на Ахиллеса. Такъ мнѣ пріятно было-бы, еслибы позволилъ Иппіасъ спросить его о томъ, что ему кажется относительно этихъ мужей: котораго почитаетъ онъ лучшимъ?—тѣмъ пріятнѣе, что онъ высказывалъ намъ, какъ С . инныя многоразличныя познанія, такъ и познанія о прочихъ поэтахъ, и объ Омирѣ.

Евд. Что-жъ? вѣдь Иппіасъ, если ты спросишь его, конечно не поспеетъ на отвѣты. Не правда-ли, Иппіасъ, что

---

¹ Платонъ начинаетъ свой разговоръ такимъ вопросомъ, что прежде всего заставляетъ читателя нарисовать въ своемъ воображеніи сценическую картину Иппіасовой аудиторіи, въ которой элейскій мудрецъ изумляетъ слушателей разнородностію своихъ познаній. Между его слушателями находится и Сократъ; но онъ погруженъ въ размышленіе и, противъ своего обыкновенія, не принимаетъ участія въ бесѣдѣ. Вотъ минута, въ которую Евдикъ обращается къ нему съ своимъ вопросомъ: *Σὺ δὲ δὴ τί πύζει, ὦ Σόκράτης*. Повтому частица *δὴ*, которой въ иныхъ спискахъ Платоновыхъ сочиненій нѣтъ, здѣсь почти необходима.

² *Остались одни*, въ подлинникѣ—*ἑνὸι κελελευμένοι*,—выраженіе, замѣчательное по употребленію слова *ἑνὸι* въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно не рѣдко принимается въ нашемъ украинскомъ нарѣччіи: ми сами, то есть, одни.

ты, если Сократъ будетъ тебя спрашивать, станешь отвѣчать? Или какъ поступишь?

Ипп. Да, я сдѣлалъ-бы страшное ¹ дѣло, Евдикъ, еслибы теперь бѣгалъ отъ вопросовъ Сократа, тогда какъ всякій разъ, возвращаясь изъ дома, — изъ Элеи въ Олимпію, въ собраніе всѣхъ Эллиновъ, когда тамъ бываютъ олимпійскія D. игры ², являюсь въ святилище и говорю: не угодно ли кому того, что приготовлено мною для показанія себя? Я буду отвѣчать желающему отвѣтовъ, о чемъ-бы кто ни спрашивалъ ³.

Сокр. Блаженное-же достоинство прибрѣлъ ты, Иппіасъ, 364. если каждую олимпіаду вступаешь въ святилище съ такою довѣренностію къ твоей душѣ относительно ея мудрости! И я удивился-бы, еслибы кто изъ борцовъ тѣлесныхъ такъ безстрашно и самонадѣянно выходилъ подвизаться съ тѣломъ, какъ ты, говоришь, — съ душею.

Ипп. Дѣйствительно, я имѣю это достоинство, Сократъ; ибо съ того времени, какъ началъ подвизаться на олимпійскихъ играхъ, никогда и никого не встрѣчалъ лучше себя.

Сокр. Прекрасно въ самомъ дѣлѣ говоришь ты, Иппіасъ; V. твоя слава есть жертва мудрости — и городу Элеѣ, и твоимъ родителямъ. Но что наконецъ скажешь ты намъ объ Ахиллесѣ и Одиссеѣ? который изъ нихъ, думаешь, и почему лучше? Вѣдь когда насъ здѣсь, внутри, было много, и ты показывалъ себя, — я оставлялъ тебя говорить и не хотѣлъ спрашивать. Такъ какъ внутри было много народу, то чтобы вопросами не помѣшать тебѣ въ показаніи себя: а теперь насъ немного, да вотъ и этотъ Евдикъ велитъ спрашивать;

¹ *И сдѣлалъ бы страшное дѣло, какъ γὰρ ἐν δεινῇ πεισίῃ.* Слово *δεινός*, какъ здѣсь, такъ и ниже р. 365. С. Платонъ насмѣшливо употребляетъ въ томъ значеніи, въ какомъ любилъ употреблять его Продикъ и Иппіасъ. См. *Protag.* р. 341. А.

² Что софисты рѣдко не посѣщали олимпійскихъ игръ, свидѣтельствуеетъ и *Флостратъ*. *Vitt. Sophist.* р. 493.

³ Такъ объявляли о себѣ почти всѣ софисты. См. *Gorg.* р. 417 С. и легко удивлялись легкомысленному греческому юношеству хвастливыми своими рѣчами, хотя въ нихъ большею частію не было никакого дѣльнаго содержанія и основательныхъ знаній.

такъ скажи и научи насъ ясно: что говорилъ ты о тѣхъ С. двухъ мужахъ? какъ различалъ ихъ?

Ипп. Готовъ раскрыть тебѣ, Сократъ, еще яснѣе, чѣмъ тогда, что говорю и объ этихъ, и о другихъ: утверждаю, что изъ мужей, отправившихся къ Троѣ, Омиръ изобразилъ самымъ бравымъ Ахиллеса, самымъ мудрымъ Нестора, самымъ изворотливымъ Одиссея.

Сокр. Увы, Иппіасъ! подарить-ли ты меня чѣмъ-нибудь такимъ, чтобы не смѣяться надо мною, если я не пойму тебя и буду часто спрашивать? Нѣтъ, постарайся отвѣчать D. мнѣ спокойно и удобопонятно.

Ипп. Да вѣдь стыдно было бы, Сократъ, еслибы я, уча этому другихъ и получая за то деньги, самъ, по случаю твоихъ вопросовъ, не соглашался на то-же и не отвѣчалъ спокойно.

Сокр. Очень хорошо говоришь. Но вѣдь когда ты сказалъ, что Ахиллесъ изображенъ бравымъ, мнѣ показалось, что я понимаю твои слова; то же, когда Несторъ — мудрѣйшимъ: а какъ скоро ты произнесъ, что Одиссея поэтъ изобразилъ самымъ изворотливымъ, —этого, если сказать тебѣ правду, я вовсе не понялъ. Скажи-ка мнѣ, не пойму-ли такъ: E. Ахиллесъ изображенъ у Омира не изворотливымъ?

Ипп. Всего менѣе, Сократъ, самымъ прямымъ: такимъ представляетъ его Омиръ и въ молитвахъ ¹ (ἐν Ἀιτίαις), когда вводитъ ихъ бесѣдующими другъ съ другомъ, и когда Ахиллесъ говоритъ Одиссею:

365.

Сынъ благородный Лаертовъ, герой Одиссей многоумный,
 Долженъ я душу свою тебѣ объявить откровенно,
 Какъ я и мыслю-таки, да и какъ совершить преднамѣренъ.
 Тотъ ненавистенъ мнѣ, какъ врата ненавистнаго ада,
 Кто въ душѣ скрываетъ одно, а вѣщаетъ другое: B.
 Я-же вамъ прямо скажу, что будетъ исполнено нынѣ.

Въ этихъ стихахъ открывается нравъ того и другаго мужа;

¹ Софистъ указываетъ здѣсь на IX главу Илиады (V. 308), которую древніе называли книгою Ἀιτίων Plat. Cratyl. p. 428 С.

такъ-что Ахиллесъ является человѣкомъ, любящимъ истину и прямымъ, а Одиссей—изворотливымъ и лживымъ: вѣдь произносить эти стихи заставляетъ онъ Ахиллеса объ Одиссеѣ.

Сокр. Теперь, Иппіасъ, я, должно быть, уже понимаю, что ты говоришь: ты изворотливымъ, какъ видно, называешь лжеца.

С. *Ипп.* Особенно, Сократъ; вѣдь Одиссея такимъ изобразилъ Омиръ во многихъ мѣстахъ и Илиады и Одиссеи.

Сокр. Такъ видно Омиру казалось, что любить истину одинъ, а лжець—другой, не тотъ же самый.

Ипп. Какъ же иначе было бы, Сократъ?

Сокр. И тебѣ самому кажется это, Иппіасъ?

Ипп. Всего болѣе; да и странно было-бы, еслибы не казалось.

Сокр. Такъ оставимъ Омира,—тѣмъ болѣе, что невозможно. D. но спросить его, какую имѣлъ онъ мысль, когда писалъ эти стихи. Но такъ-какъ ты усвоилъ себѣ это мнѣніе и тебѣ нравится то, что, по твоимъ словамъ, говоритъ Омиръ; то отвѣчай вообще и за Омира и за себя.

Ипп. Такъ и будетъ. Но спрашивай, о чемъ тебѣ хочется, коротко ¹.

Сокр. Лжецы, говоришь ты, дѣлають нѣчто—потому ли, что не могутъ, какъ бы больные, дѣлать иначе, или могли бы?

Ипп. Могутъ отлично—и многое другое, и обманывать людей, говорю я.

Е. *Сокр.* Значить, могутъ, какъ видно, по твоимъ словамъ, и изворотливые. Не правда-ли?

Ипп. Да.

Сокр. Изворотливые же обманываютъ по глупости-ли и безумію, или по плутовству и нѣкоторой смышленности?

Ипп. Всего болѣе по плутовству и смышленности.

---

¹ Софисту угодно, чтобы Сократъ спрашивалъ коротко. Причиною этого могло быть желаніе Иппіаса скорѣе возвратиться къ софистическому своему разглагольствію. Посему Шлейермахеръ напрасно видитъ здѣсь неумѣстное подражаніе Платонову Протагору.

Сокр. Стало-быть, они, какъ видно, умны.

Ипп. Да, клянусь Зевсомъ, и очень.

Сокр. Будучи-же умными, не знаютъ, что дѣлають, или знаютъ?

Ипп. И очень хорошо знаютъ; для того и замышляютъ злое.

Сокр. Зная-же то, что знаютъ, невѣжды-ли они, или мудрецы?

Ипп. Конечно, мудрецы—на то-то самое, обманывать. 366.

Сокр. Пусть же такъ: припомнимъ, что ты говорилъ. Лжецы, сказалъ ты, и сильны, и умны, и знающы, и мудры на ложь?

Ипп. Конечно сказалъ.

Сокр. А говорящіе правду и лжецы различаются между собою и противоположны другъ другу?

Ипп. Говорю.

Сокр. Пусть такъ: значить, нѣкоторые изъ сильныхъ и мудрыхъ, по твоимъ словамъ,—лжецы.

Ипп. Даже особенно.

Сокр. Когда-же сильны и мудры лжецы, говоришь, въ этомъ самомъ,—могутъ-ли они, думаешь, лгать, если захотятъ, или не могутъ въ томъ, въ чемъ лгутъ?

Ипп. Могутъ, говорю я.

Сокр. Стало быть, чтобы сказать коротко, лжецы мудры и сильны на ложь.

Ипп. Да.

Сокр. Слѣдовательно человѣкъ, не имѣющій силы лгать, и невѣжда не можетъ быть лжецомъ?

Ипп. Такъ и есть.

Сокр. А силенъ-то, стало быть, каждый, кто чего-бы ни захотѣлъ, можетъ дѣлать это, когда захочетъ,—можетъ, с. говорю, не по побужденію болѣзни или чего подобнаго, а такъ, какъ напимѣрь, ты можешь, когда захочешь, написать мое имя: такъ я понимаю. Не такого ли называешь ты сильнымъ?

Ипп. Да.

Сокр. Скажи-же мнѣ, Иппіасъ: не опытенъ ли ты дѣйствительно въ счисленіи и въ искусствѣ исчислять?

Ипп. Всего болѣе, Сократъ.

Сокр. И еслибы кто спросилъ тебя: велико-ли выдеть число изъ трижды семьсотъ?—ты, когда-бы захотѣлъ, все-го скорѣе и болѣе сказалъ-бы правду на этотъ вопросъ?

D. *Ипп.* Конечно.

Сокр. Не потому-ли, что весьма силенъ и мудръ въ этомъ отношеніи?

Ипп. Да.

Сокр. Но только ли весьма силенъ, или и превосходнѣйшій въ томъ, въ чемъ весьма силенъ и мудръ, то есть, въ искусствѣ счисленія?

Ипп. Конечно, и превосходнѣйшій, Сократъ.

Сокр. Такъ ты весьма сильно можешь говорить объ этомъ истину. Не правда-ли?

Ипп. Думаю.

E. *Сокр.* Что-же, касательно этого самаго, будетъ ложь? Отвѣчай мнѣ, Иппіасъ, благородно и великодушно, какъ и прежде. Еслибы кто спросилъ тебя: сколько выдеть — трижды семьсотъ? то ты-ли лучше-бы солгалъ и, касательно этого, всегда повторялъ-бы ту же самую ложь, желая лгать и никогда не отвѣчать правды, или невѣжда въ счисленіи могъ бы лучше солгать по невѣдѣнію, чѣмъ ты по желанію? Впрочемъ, можетъ быть невѣжда, желая сказать ложь, часто нехотя, по случаю, сказалъ бы правду, потому что не знаетъ; а ты, мудрецъ, если уже хочешь лгать, лжешь всегда одинаково?

Ипп. Да, бываетъ такъ, какъ ты говоришь.

Сокр. Но лгунъ, можетъ быть, лжетъ во всемъ другомъ, а никакъ не въ числѣ? въ числахъ онъ лгать не можетъ?

Ипп. О, клянусь Зевсомъ, и въ числѣ.

Сокр. Стало быть, положимъ и то, Иппіасъ, что лживый человѣкъ бывастъ также въ числѣ, и въ счисленіи?

Ипп. Да.

Сокр. Кто-же онъ могъ бы быть? Чтобы сдѣлаться ему лжецомъ, не долженъ-ли онъ имѣть силу солгать въ томъ, въ чемъ ты сейчасъ согласился? Вѣдь не имѣющій силы лгати, сказалъ ты, если помню, никогда не будетъ лжецомъ.

Ипп. Да, помню, было сказано.

Сокр. Не объявилъ ли ты себя сейчасъ самымъ силь- нымъ лгать въ счисленіи?

Ипп. Да, и это тоже было сказано.

Сокр. А не самый-ли сильный ты и правду говорить въ счисленіи?

Ипп. Конечно.

Сокр. Стало быть, кто въ счисленіи можетъ говорить и ложь и правду, тотъ въ этомъ отношеніи—добрый счетчикъ ¹.

Ипп. Да.

Сокр. Такъ кто же другой въ счисленіи бываетъ лжецомъ, Иппіасъ, кромѣ добраго? Вѣдь этотъ и силенъ, этотъ и правдивъ.

Ипп. Видимо.

Сокр. Такъ видишь, что въ отношеніи къ этому тотъ-же самый и лжетъ, и говоритъ правду,—и говорящій правду ничѣмъ не лучше лжеца; ибо это тотъ-же самый,—и противоположностей, какъ ты недавно думалъ, тутъ нѣтъ. D.

¹ *Добрый счетчикъ* — ὁ ἀγαθός (περὶ τούτων, т. е. ψευδῆ καὶ ἀληθῆ λέγων), ὁ λογιστικός. Явно, что слово ἀγαθός Сократъ употребляетъ здѣсь не въ смыслѣ нравственной добродѣтели, а въ значеніи естественной гибкости и способности ума. Отсюда и Свидя замѣчаетъ: ἀγαθοὶ λέγονται καὶ οἱ ἐπιστήμονες и Цицеронъ ἀγαθούς называетъ bonos ratiatores. Off. I. 18. Въ этомъ смыслѣ добрый можетъ, конечно, совершать и добро и зло, и отлично лгать и говорить правду. Но согласно ли было съ началами Платоновой иѣйки понимать такимъ-образомъ слово ἀγαθός? Асть это употребленіе его почитаетъ вовсе не платоническимъ, и потому подвергаетъ сомнѣнію самую подлинность излагаемаго сочиненія. Но онъ не обратилъ вниманія на цѣль бесѣды. Ему надлежало сравнить умственные качества двухъ Омировыхъ героев и рѣшить, который изъ нихъ *лучше*—ἄμεινον ἔσται, слѣдовательно въ основаніи надлежало положить, что оба они хороши — ἀγαθοί. Впрочемъ, и у насъ, когда о вещахъ и лицахъ судятъ на основаніихъ умственныхъ—rationaliter, едва-ли не такъ-же понимаютъ слово *добрый*.

Ипп. Здѣсь-то, по видимому, нѣтъ.

Сокр. Хочешь ли, посмотримъ на это и иначе?

Ипп. И иначе, если только тебѣ угодно.

Сокр. Не опытенъ ли ты и въ геометріи?

Е. *Ипп.* Конечно.

Сокр. Что-же? не такъ ли бываетъ и въ геометріи? Не можетъ ли и въ чертежахъ тотъ-же самый геометръ — и лгать и говорить правду?

Ипп. Да.

Сокр. И въ этомъ отношеніи добръ иной ли кто, или тотъ?

Ипп. Не иной.

Сокр. Такъ добрый и мудрый геометръ не есть ли самый сильный въ томъ и другомъ? И если кто можетъ быть лжецомъ въ чертежахъ, то не тотъ ли — добрый? Вѣдь этотъ силенъ, а худой лгать не можетъ; такъ что не сильный во лжи, какъ было допущено, не будетъ и лжецомъ.

Ипп. Такъ.

Сокр. Разсмотримъ еще и третій примѣръ—астронома. Въ этомъ искусствѣ опять ты признаешь себя еще болѣе свѣдущимъ, чѣмъ въ прежнихъ. Не правда ли, Иппіасъ?

Ипп. Да.

Сокр. Не бываетъ ли и въ астрономіи того же самаго?

Ипп. Вѣроятно, Сократъ.

Сокр. Слѣдовательно и въ астрономіи,—если кто иной лжець, то лжецомъ будетъ астрономъ добрый, имѣющій силу лгать. Вѣдь ужъ, конечно, не тотъ, кто не можетъ, потому что онъ—невѣжда.

Ипп. По видимому, такъ.

Сокр. Стало-быть, и въ астрономіи тотъ-же будетъ—и говорить правду и лгать.

Ипп. Выходить.

Сокр. Разсматривай-же, Иппіасъ, прямо такъ и всѣ науки: иначе-ли въ нихъ бывастъ это, или такимъ-обра-

вомъ? Несомнѣнно, что въ весьма многихъ искусствахъ ты—самый мудрый изъ всѣхъ людей, какъ слышалъ я когда-то твою похвальбу, въ которой на площади у столовъ¹ раскрывалъ ты многообразную и завидную свою мудрость. Ты говорилъ, что въ бытность твою когда-то въ Олимпіи, все, что находилось на твоёмъ тѣлѣ, сдѣлано было твоими руками: во-первыхъ, имѣвшійся у тебя перстень—съ этого началъ—былъ твоей работы, что, то-есть, ты умѣешь вырѣзывать на перстняхъ; твоей-же работы С. была и другая печать, и щетка, и масленица,—все это самъ ты сдѣлалъ; самимъ-же тобою сшиты, говорилъ,—и бывшая на тебѣ обувь, и плащъ, и кафтанъ²; но что показалось особенно страннымъ для всѣхъ и служило доказательствомъ величайшей мудрости, — это хитро сдѣланный тобою-же, какъ утверждалъ ты, поясъ³ на твоёмъ кафтанѣ,—такой поясъ, каковы бывають персидскіе на людяхъ роскошествующихъ. Кромѣ сего, ты пришелъ, имѣя при себѣ стихотворныя произведенія—и поэмы, и трагедіи, и диѳирамвы, и вообще множество различныхъ, написанныхъ тобою рѣ-

¹ Разумѣются столы мѣновщиковъ, о которыхъ упоминается также въ Arol. Socr. p. 17 С. Эти столы, вѣроятно, помѣщались въ окружавшихъ народную площадь портикахъ, въ которыхъ сходились и любили бесѣдовать люди богатые и благородные.

² Древніе Греки употребляли двѣ верхнія одежды: *χιτών* — тунику, походившую кроемъ на кафтанъ русскаго мѣщанина, и *ἱμάτιον* или *περίβλημα* — pallium, плащъ, покрывавшій тѣло по кафтану и кроемъ не походившій ни на какую русскую одежду, потому-что спускался съ плечъ широкими складками и казался болѣе покрываломъ, чѣмъ шитымъ плащемъ. Aelian. Var. Hist. 1, 16. Впрочемъ, въ объясняемомъ теперь мѣстѣ кафтанъ названъ именемъ уменьшительнымъ *χιτωνίσκος*; а такая одежда должна была отличаться отъ обыкновенной туники тѣмъ, что не доходила и до колѣнъ. См. Demosthen. adv. Mid. p. 583. Ed. R. *καὶ μικροῦ γυμνῶν ἐν τῷ χιτωνίσκῳ γενέσθαι.*

³ Древніе Греки обыкновенно подпоясывались по кафтану, и щеголи между ними съ особенною заботливостію выбирали себѣ поясъ, вѣроятно потому, что обозначая и стягивая талию, онъ болѣе другихъ нарядовъ возвышалъ стройность и красоту стана. Къ поясу привѣшивались бутылочки съ масломъ (*ἀρχαῖαι*). Безъ этихъ бутылочекъ Греки такъ-же рѣдко выходили изъ дому, такъ рѣдко наши современники выходятъ безъ папиросницъ. Casaub. ad Theophr. p. 75. Hemsterh. ad Polluc. p. 1226. Vales. ad Harpocrat. p. 255. Масло нужно было имъ и въ баняхъ, и въ палестрахъ, куда

- D. чей; ты прибылъ, какъ знатокъ—болѣе, чѣмъ кто другой—сейчасъ перечисленныхъ мною искусствъ, и риѣмовъ, и гармоній, и грамматики, и сверхъ-того, весьма многихъ иныхъ вещей, сколько могу припомнить. А вотъ я и забылъ было, какъ видно, о памятовательномъ-то твоёмъ искусствѣ¹, которымъ ты всегда былъ знаменитъ; да полагаю, забылъ и о многомъ иномъ. Но смотря и на твои искусства,—
- E. а ихъ много,—и на искусства другихъ, скажи мнѣ, говорю я, нашелъ ли бы ты гдѣ-нибудь, чтобы одинъ, какъ мы согласились, говорилъ правду, а другой лгалъ, и чтобы они были отдѣльны, а не тотъ-же самый? Разсматривай это въ которой хочешь мудрости, или въ ремеслѣ, и подъ
369. какимъ угодно названіемъ. Но не найдешь, другъ мой, потому что этого нѣтъ. Однакожъ говори самъ.

Ипп. Вдругъ, теперь-же не могу, Сократъ.

Сокр. Да не въ состояніи будешь, какъ думаю, и послѣ. Если же я говорю правду; то вспомни, Иппіасъ, что вытекаетъ изъ нашего разсужденія.

Ипп. Я не очень понимаю, Сократъ, что говоришь ты.

Сокр. Вѣдь теперь, можетъ быть, нѣтъ надобности въ памятовательномъ искусствѣ; потому что ты, явно, не хочешь воспользоваться имъ. Но я самъ напомию тебѣ: знаешь ли, В. что Ахиллеса называлъ ты правдивымъ, а Одиссея — лжецомъ и челоувѣкомъ изворотливымъ?

Ипп. Да.

заходить во всякое время было въ такомъ же обычаѣ, какъ нынѣ—въ *cafés restaurants*. А такъ-какъ тѣло отъ частаго натиранія его масломъ должно было задерживать испарину и вмѣстѣ съ тѣмъ слотиться, то съ масляницами къ поясу привѣшивались и щетки — *σπλεγγίδες* или *σταγγίδες*, которыми въ баняхъ и въ палестрахъ счищали съ тѣла слой масла, смѣшаннаго съ потомъ. Этотъ обычай у Грековъ переняли и Римляне. Такъ у Перція (*Satyr. V, v. 126*) читаемъ: *Puer, et strigiles Crispini ad balnea defer.* Подробнѣе см. *Eschenbach. de unctionibus veterum. p. 483. sqq.*

¹ Нынѣ каждая изъ наукъ *формальной Психологіи*, какъ-то: Логика, Неика, Эстетика, получила отдѣльное свое развитіе: остаются еще не развитыми, какъ должно, законы и формы памятованія, или Мнемоника, хотя основаніе этой науки, по историческимъ памятишкамъ, положено еще Иппіасомъ.

Сокр. А теперь замѣчаешь ли, что тотъ-же самый явился и лжецомъ и правдивымъ? такъ что, если Одиссей былъ лжець, то онъ становится и правдивымъ, и если Ахиллесъ правдивъ, то онъ и лжець; и оба эти мужа не различаются между собою и не противоположны одинъ другому, а подобны.

Ипт. Охъ, Сократъ! всегда ты плетешь такія какія-то рѣчи: берешь труднѣйшую сторону разсужденія и, держа С. ее, понемногу пощипываешь, а не подвизаешься противъ цѣлаго предмета, о которомъ идетъ рѣчь. Между-тѣмъ, я и теперь, если хочешь, приведу тебѣ много удовлетворительныхъ доказательствъ, что Омиръ изобразилъ Ахиллеса лучшимъ, нежели Одиссей, и правдивымъ, а Одиссея—лукавымъ, во многихъ случаяхъ лживымъ и худшимъ, чѣмъ Ахиллесъ. Ты-же, если хочешь, противопоставь слово слову, что другой лучше того,—и тогда эти ¹ узнаютъ, кто изъ насъ говоритъ справедливѣе.

Сокр. Ахъ, Иппіасъ! вѣдь я не сомнѣваюсь, что ты D. мудрѣ меня. Но у меня — всегдашняя привычка, когда кто говоритъ что-нибудь, быть внимательнымъ, особенно если говорящій кажется мнѣ мудрымъ. Тогда, сильно желая узнать, что онъ говоритъ, я спрашиваю, пересматриваю и свожу сказанное, чтобъ узнать. Если-же говорящій представляется мнѣ недалекимъ, я и не спрашиваю, и не забочусь о томъ, что онъ говоритъ. Изъ этого ты узнаешь, кого почитаю я мудрымъ: ты увидишь, что съ му- E. дрымъ я и веселъ, когда онъ говоритъ, и спрашиваю, чтобы, узнавъ что-нибудь, получить пользу. Вотъ и теперь, когда ты говорилъ, я подумалъ, что въ стихахъ, которые ты прочиталъ—съ намѣреніемъ выставить Ахиллеса говорящимъ объ Одиссеѣ, какъ о хвастунѣ, мнѣ, если ты говоришь правду, кажется страннымъ то, что Одиссей — человѣкъ изво-

¹ Эти, то есть, слушатели Иппіаса. Платонъ такимъ указаніемъ искусно намѣкаетъ, что софистъ думалъ болѣе объ одобреніи слушателей, чѣмъ о справедливости рѣчи.

370. ротливый, нигдѣ не является лжецомъ, а Ахиллесъ, по твоимъ словамъ, является изворотливымъ, потому что лжетъ. Сказавъ напередъ тѣ стихи, которые недавно произнесъ и ты:

Тотъ ненавистенъ мнѣ, какъ врата ненавистнаго ада,

Кто въ душѣ скрываетъ одно, а вѣщаетъ другое,

немного послѣ онъ говорить ¹, что убѣжденіями Одиссея и В. Агамемнона не отвлечется отъ своей рѣшимости и вовсе не останется подъ Троею, но

Завтра, Зевесу воздавъ и другимъ небожителямъ жертвы,

Я нагружу корабли и не медля спущу ихъ на волны.

Узришь ты, если захочешь, и если тебя то заботитъ,

Съ ранней зарею плывущими вдаль по рыбному понту

C. Всѣ мои корабли подъ дружиною рьяно-гребущей.

Если счастливое плаванье дастъ Посидонъ знаменитый,

Въ третій-же день доплыву я конечно до Фѳеи холмистой.

А еще прежде этого, ссорясь съ Агамемнономъ, сказала ²:

Нынѣ-же въ Фѳею иду; для меня несравненно пріятнѣй

Править домой на судахъ крутокормныхъ; тобой посрамленный,

Я не намѣренъ тебѣ собирать здѣсь добычь и сокровищъ.

D. Говоря это иногда ко всему войску, иногда къ своимъ друзьямъ, онъ нигдѣ однакожъ не показываетъ ни сборовъ, ни рѣшимости спустить корабли, какъ-бы съ намѣреніемъ плыть домой, но по особенному благородству считаетъ не важнымъ дѣломъ говорить правду. Такъ вотъ, Иппіасъ, я и спросилъ тебя сначала, недоумѣвая, котораго изъ этихъ двухъ мужей поэтъ изобразилъ лучшимъ, и думая, что оба E. они превосходны, и что трудно рѣшить, кто изъ нихъ лучше и на ложь, и на правду, и на иную добродѣтель; ибо оба они въ этомъ отношеніи близки одинъ къ другому.

Ипп. И однакожъ ты не хорошо изслѣдываешь, Сократъ. Вѣдь что Ахиллесъ лжетъ,—это лжетъ онъ, явно, не по умыслу, а поневолѣ, принужденный грозить и кричать по причинѣ бѣдственнаго состоянія лагеря: напротивъ, Одиссей лжетъ произвольно и съ умысломъ.

¹ Сократъ, для подтвержденія своего мнѣнія, приводитъ слова изъ Илиады Омира IX, 357 sqq.

² Указывается на 1, 169 Илиады.

Сокр. Обманываешь ты меня, любезный Иппіасъ, и самъ подражаешь Одиссею.

Ипп. Отнюдь нѣтъ, Сократъ. Чѣмъ-же, скажешь ты, и 371.
въ-отношеніи къ чему?

Сокр. Тѣмъ, что Ахиллесъ, говоришь, лгалъ не по умыслу, тогда-какъ былъ такой чародѣй и, кромѣ хвастовства, — хитрецъ, сколько выразилъ это Омиръ, что онъ, по видимому, много превосходилъ замыслами и Одиссея; ибо, желая легче скрыть свое хвастовство, отважился въ его присутствіи говорить противное самому себѣ, — и тотъ не проникъ въ это, то-есть, ничего не сказалъ ему, изъ чего было-бы видно, что онъ замѣтилъ ложь. В.

Ипп. Что-же это такое разумѣешь ты, Сократъ?

Сокр. Развѣ не знаешь, что, говоря съ Одиссеемъ когда-то позднѣе, онъ сказалъ, что отправится вмѣстѣ съ зарею, а Аяксу сообщилъ, что не отправится, но высказалъ иное?

Ипп. Гдѣ-же это?

Сокр. Въ слѣдующихъ стихахъ ¹:

Я не прежде помыслю о битвѣ кровавой,
Какъ когда Пріамидъ бранноносный, божественный Гекторъ, С.
Къ снѣямъ уже и широкимъ судамъ придетъ мирмидонскимъ,
Рати Аргивянъ разбивъ, и когда зажжетъ корабли ихъ.
Здѣсь-же у снѣи моей, предъ моимъ кораблемъ чернобогимъ,
Гекторъ, какъ ни неистовъ, отъ брани уймется, надѣюсь.
Думаешь-ли, Иппіасъ, что сынъ Тетида и воспитанникъ
мудрѣйшаго Хирона такъ забывчивъ, что немного прежде
бранивъ лукавцевъ самую сильнѣйшею бранью, вдругъ самъ
говоритъ Одиссею, что уплыветъ, а Аяксу — что оста- D.
нется, и не по умыслу-ли и предположенію, что Одиссей
просто ², и что этою самою хитростію и ложью онъ пре-
взойдетъ его?

¹ Сократъ приводитъ стихи Омира *Iliad.* IX. 650, въ которыхъ Ахиллесъ говоритъ Аяксу вовсе не то, что прежде говорилъ Одиссею в. 360.

² *Одисей просто*—*ἀρχαῖον εἶναι Ὀδυσσεῖα*. Слово *ἀρχαῖος* здѣсь имѣетъ значеніе поговорки, которая прилагалась къ человѣку простодушному и болтливому. *Ἀρχαίτερος εἰ τοῦ δέοντος*. Euthyd. p. 295 C. По Схолиасту, въ этихъ случаяхъ оно отождествляется съ словами *ἄλογος, ἀπλοῦς*.

Ипп. Мнѣ не кажется, Сократъ: и здѣсь онъ сказалъ е. это самое Аяксу, — т. е. не то, что Одиссею, — увлекшись простодушіемъ: напротивъ, Одиссей, когда говоритъ и правду, всегда говоритъ съ умысломъ, и когда лжетъ, все такимъ-же образомъ.

Сокр. Стало быть, Одиссей, какъ видно, лучше Ахиллеса.

Ипп. Это-то меньше всего, Сократъ.

Сокр. Что-же? А давно-ли являлись добровольные лжецы лучшими, чѣмъ невольные?

Ипп. Но какимъ-образомъ, Сократъ, произвольные обидчики и произвольные замыслители и злодѣи могли бы быть 372. лучше, чѣмъ невольные, которымъ, кажется, весьма прости-тельно, если кто изъ нихъ обидитъ, или сдѣлаетъ какое-нибудь иное зло — по незнанію? Да и законы-то гораздо строже къ злодѣямъ и лжецамъ произвольнымъ, чѣмъ къ невольнымъ.

В. *Сокр.* Видишь, Иппіасъ, я говорю правду, что бываю веселъ, спрашивая мудрецовъ, и должно быть, въ этомъ одномъ поставляю благо, а прочее почитаю очень маловажнымъ. Я не добьюсь, какъ бываютъ вещи, и не знаю, что гдѣ есть: достаточнымъ же доказательствомъ этого служить мнѣ то, что когда сношусь съ кѣмъ-нибудь изъ васъ — счастливецъ по мудрости, которыхъ мудрость засвидѣтельствована всѣми Эллинами, — открывается, что я ничего не знаю; потому что ничто мое, просто сказать, не кажется мнѣ, какъ тожественное съ вашимъ. А какое можетъ быть большее доказатель-

С. ство невѣжества, если не то, когда кто не согласенъ съ мужами мудрыми? Одно только есть у меня дивное, спасающее благо, что я не стыжусь учиться, но разужнаю и спрашиваю, и бываю весьма благодаренъ отвѣчающему, — никого и никогда не лишаю моей благодарности. Вѣдь я никогда не запирался, научившись чему-нибудь, какъ будто-бы извѣстное знаніе хотѣлъ выдавать за мое собственное изобрѣтеніе: напротивъ, восхваляю того, кто научилъ меня, какъ

Д. мудрецъ, и объявляю, что я узналъ отъ него. Да вотъ и

теперь—я не соглашаюсь съ тобою въ томъ, что ты говоришь, и очень много отличаюсь отъ тебя (въ своемъ мнѣніи): однакожь хорошо знаю, что это происходитъ отъ меня, что то—есть я таковъ есмь, каковъ есмь, чтобы не сказать о себѣ ничего болѣе. Вѣдь мнѣ, Иппіасъ, представляется совершенно противоположное тому, что ты говоришь: (мнѣ представляется), что вредящіе людямъ, обижающіе, лгушіе, обманывающіе и согрѣшающіе добровольно, а не по-необходимости, лучше недобровольныхъ. Иногда, впрочемъ, кажется мнѣ и противное тому, и я блуждаю въ этомъ отношеніи—очевидно отъ незнанія дѣла. Но теперь, въ настоящую минуту, случился со мною какъ будто припадокъ, и произвольно согрѣшающіе кажутся мнѣ лучше произвольныхъ. Дѣйствительною причиною теперешней моей болѣзни, что то—есть теперь, въ настоящую минуту, произвольно дѣлающіе все это, представляются мнѣ хуже дѣлателей произвольныхъ, я почитаю прежнія разсужденія. Итакъ, будь милостивъ и не откажись вылѣчить мою душу; вѣдь ты сдѣлаешь мнѣ гораздо больше добра, уврачевавъ невѣжество моей души, чѣмъ—болѣзнь тѣла. Но если хочешь сказать длинную рѣчь, то напередъ говорю тебѣ, что не исцѣлишь меня, потому что я не въ-состояніи за тобою слѣдовать: а когда тебѣ угодно будетъ отвѣчать мнѣ, какъ недавно, — очень уврачуешь и, думаю, не получишь и самъ никакого вреда. Считаю справедливымъ обратиться и къ тебѣ, сынъ Апиманта; потому что ты побудилъ меня бесѣдовать съ Иппіасомъ. Поэтому, если теперь Иппіасъ не захочетъ отвѣчать мнѣ,—проси его за меня. 373.

Евд. Но Иппіасъ, думаю, не имѣетъ нужды въ нашей просьбѣ, Сократъ; потому-что не таково было предварительное его слово, а таково, что онъ не будетъ бѣгать отъ вопросовъ какого-бы то ни было человѣка. Не правда ли, Иппіасъ? не это ли ты говорилъ? В.

Ипт. Конечно, говорилъ. Но Сократъ въ разговорахъ

всегда производитъ замѣшательство, Евдикъ, и какъ будто походитъ на лукавца.

Сокр. О почтеннѣйшій Иппіасъ! вѣдь не добровольно же я дѣлаю что-нибудь такое; иначе, по твоимъ словамъ, былъ-бы мудръ и силенъ, а невольню; такъ имѣй ко мнѣ снисхожденіе. Самъ-же ты сказалъ, что дѣлающему зло поневолѣ надобно прощать.

С. *Евд.* И отнюдь не иначе поступи, Иппіасъ, но и ради насъ, и ради прежде сказанныхъ тобою словъ, отвѣчай, о чемъ будетъ спрашивать тебя Сократъ.

Ипп. Если ты-то просишь, буду отвѣчать. Такъ спрашивай, что хочешь.

Сокр. Да вотъ очень желательно мнѣ разсмотрѣть, Иппіасъ, то самое, о чемъ теперь же говорили: которые лучше,—добровольно или невольню согрѣшающіе. Прямѣйшимъ путемъ къ изслѣдованію я думаю идти такъ. Но отвѣчай, называешь ли ты кого хорошимъ скороходомъ?

Д. *Ипп.* Называю.

Сокр. И худымъ?

Ипп. Да.

Сокр. Не тотъ-ли хорошъ, кто хорошо бѣгаетъ, и не тотъ ли худъ, кто худо?

Ипп. Да.

Сокр. Бѣгающій медленно не худо-ли бѣгаетъ, а бѣгающій скоро—не хорошо-ли?

Ипп. Да.

Сокр. Стало быть на бѣгу и въ скороходѣ скорость есть добро, а медленность зло?

Ипп. Почему-же не быть?

Сокр. Итакъ, который скороходъ лучше: по доброй ли волѣ бѣгающій медленно, или по неволѣ?

Ипп. По доброй волѣ.

Сокр. Но бѣжать не значитъ-ли нѣчто дѣлать?

Ипп. Конечно, дѣлать.

Сокр. Если же дѣлать, то и нѣчто совершать?

Ипп. Да.

Сокр. Стало быть худо, бѣгущій совершаетъ на бѣгу это— Е.
худое и постыдное.

Ипп. Худое; какъ-же иначе?

Сокр. А худо бѣжитъ бѣгущій медленно?

Ипп. Да.

Сокр. Но хорошій скороходъ не добровольно-ли совершаетъ это злое и постыдное, а худой—не невольнo ли?

Ипп. По-крайней-мѣрѣ походить.

Сокр. Стало быть, на бѣгу совершающій зло невольнo, будетъ хуже того, который совершаетъ это добровольно?

Ипп. По-крайней-мѣрѣ на бѣгу.

Сокр. Что-же въ бою? который боецъ лучше: доброволь- 374.
но-ли падающій, или невольнo?

Ипп. Походить, что—добровольно.

Сокр. Но хуже и постыднѣе въ бою—падать или низвергать?

Ипп. Падать.

Сокр. Стало быть, и въ бою добровольно совершающій злое и постыдное есть лучший боецъ, чѣмъ совершающій это невольнo.

Ипп. Походить.

Сокр. Что-же во всякомъ иномъ тѣлесномъ упражненіи? Лучшій по тѣлу не можетъ-ли совершать то и другое—и сильное и слабое, и постыдное и прекрасное? такъ что, когда совершаетъ онъ дурное,—лучшій по тѣлу совершаетъ это добровольно, а худшій—невольно?

Ипп. По (тѣлесной) силѣ, выходитъ такъ.

Сокр. А какъ по благообразію, Иппіасъ? Не лучшему ли тѣлу естественно по доброй волѣ принимать постыдныя и дурныя положенія, и не худшему-ли—по неволѣ? Или какъ тебѣ кажется?

Ипп. Такъ.

Сокр. Стало быть, и неблагообразіе—добровольное свойственно добродѣтели, а невольное—недостаточности тѣла. С.

Ипп. Явно.

Сокр. Что-же еще скажешь о голосѣ? Тотъ-ли назовешь лучшимъ, который разногласитъ добровольно, или тотъ, который—неволью?

Ипп. Который—добровольно.

Сокр. А который—неволью, тотъ негоденъ?

Ипп. Да.

Сокр. Добро-ли лучше согласился-бы ты получать, или зло?

Ипп. Добро.

Сокр. А добровольно-ли хромающія ноги согласился-бы ты имѣть, или—неволью?

Ипп. Добровольно.

Сокр. Но хромота ногъ не есть-ли недостатокъ и безобразіе?

Ипп. Да.

Сокр. Что еще? близорукость не есть-ли недостатокъ глазъ?

Ипп. Да.

Сокр. Которые-же глаза желалъ бы ты имѣть и которыми пользоваться: тѣми-ли, съ которыми кто-нибудь добровольно бываетъ подслѣпъ и недовидитъ, или тѣми, съ которыми—неволью?

Ипп. Съ которыми добровольно.

Сокр. Стало быть, изъ своихъ вещей ты считаешь лучшими худыя добровольно, чѣмъ—неволью?

Ипп. Конечно, такія.

Сокр. Не содержится ли въ этомъ-одномъ и все: наприкладъ, и уши, и носъ, и ротъ, и всѣ чувства, что, то-есть, е. совершая зло поневолѣ они недостойны приобрѣтенія, какъ худыя; а когда—подоброй волѣ, должны быть приобрѣтаемы, какъ добрыя?

Ипп. Мнѣ кажется.

Сокр. Что еще? которыми лучше пользоваться орудіями: тѣми-ли, коими кто-нибудь совершаетъ зло добровольно, или

коими — невольно? Напримѣръ, лучше ли руль, которымъ кто-нибудь худо управляетъ поневолѣ? или тотъ, которымъ — добровольно?

Ипп. Которымъ — добровольно.

Сокр. Не такимъ-же-ли образомъ и лукъ и лира и флейта и всѣ другія орудія?

Ипп. Ты правду говоришь.

Сокр. Что-же? пріобрѣсть коня лучше-ли съ такою ду- 375. шею, чтобы на немъ худо ѣздили кто-нибудь добровольно, или съ такою, чтобы — невольно?

Ипп. Съ такою, чтобы — добровольно.

Сокр. Стало быть, такая лучше?

Ипп. Да.

Сокр. Слѣдовательно съ лучшею душою коня худыя дѣла этой души онъ будетъ совершать добровольно, а съ худшею — невольно?

Ипп. Конечно.

Сокр. Не такимъ-же-ли образомъ и съ собакою, и съ иными животными?

Ипп. Да.

Сокр. Что-же теперь? лучше-ли пріобрѣсть душу чело- вѣка стрѣлка, которая добровольно не попадаетъ въ цѣль, или которая — невольно?

Ипп. Которая — добровольно.

В.

Сокр. Эта лучше для стрѣльбы?

Ипп. Да.

Сокр. Стало быть, душа, невольно не попадающая въ цѣль, хуже той, которая не попадаетъ добровольно?

Ипп. По-крайней-мѣрѣ въ стрѣльбѣ.

Сокр. А въ врачевномъ искусствѣ? не врачевательнѣе- ли въ отношеніи къ тѣлу та, которая добровольно совер- шаетъ зло?

Ипп. Да.

Сокр. Стало быть, въ этомъ искусствѣ она лучше той, которая—невольна ¹.

Ипп. Лучше.

Сокр. Что еще? душа болѣе искусная въ игрѣ на цитрѣ, с. на флейтѣ, и во всемъ, что относится къ искусствамъ и наукамъ, не лучшею-ли бываетъ, когда она добровольно совершаетъ злое, постыдное и ошибочное, чѣмъ когда дѣлаетъ зло поневолѣ?

Ипп. Явно.

Сокр. А ужъ приобрѣтать души-то рабовъ мы, конечно, согласились-бы такія, которыя скорѣе добровольно, чѣмъ невольна, погрѣшаютъ и совершаютъ зло; потому-что на это онѣ лучше.

Ипп. Да.

Сокр. Что еще? и собственную свою душу не желали-бы мы имѣть наилучшею?

Ипп. Да.

d. *Сокр.* А не будетъ-ли она лучше, если станемъ дѣлать зло и грѣшить добровольно, чѣмъ когда невольна?

Ипп. Но вѣдь странно было бы, Сократъ, когда бы добровольные обидчики были лучше, чѣмъ невольные.

Сокр. Однако изъ прежде сказаннаго вытекаетъ же.

Ипп. Мнѣ не кажется.

Сокр. А я думалъ, Иппіасъ, что и тебѣ показалось. Но отвѣчай опять. Справедливость не есть-ли какая-то сила, или знаніе ², или то и другое? По-крайней-мѣрѣ не необходимо-ли справедливости быть чѣмъ-нибудь однимъ изъ этого?

e. *Ипп.* Да.

Сокр. Если же справедливость есть сила души, то душа

¹ Она лучше той, которая невольна — ἀμείνων ἀπὸ τῆς μὴ ἰατρικῆς. Здѣсь это ἰατρικῆς явно противорѣчитъ цѣли доказательства, и по всему видно, что внесено въ текстъ какимъ-нибудь sciolo. Это слово или вовсе должно быть оставлено, или замѣнено словомъ—ἐκούσης.

² Что добродѣтель Сократъ поставлялъ въ знаніи, это видно изъ многихъ свидѣтельствъ и Ксенофонта, и Платона, и Аристотеля. Xenoph. Mem. III, 9, 6. Plat. p. 335 sqq. Aristot. Ethic. End. 1. 5. Eth. Nicom. VI 13. 3. ed.

болѣ сильная не есть-ли и болѣ справедливая? Вѣдь такая-то, почтеннѣйшій, представлялась намъ лучшею.

Ипп. Конечно, представлялась.

Сокр. А что, если знаніе? — душа болѣ мудрая не есть-ли болѣ справедливая, а болѣ невѣжественная — болѣ несправедливая?

Ипп. Да.

Сокр. А что, если то и другое? — душа, имѣющая болѣ того и другаго, силы и знанія,—не болѣ-ли справедлива, а болѣ невѣжественная—не болѣ-ли несправедлива? Не необходимо-ли быть этому такъ?

Ипп. Явно.

Сокр. Будучи-же болѣ сильною и болѣ мудрою душа лучшая не представлялась ли намъ также душею, имѣющею больше силы дѣлать то и другое — и прекрасное и постыдное во всякой работѣ?

Ипп. Да.

Сокр. Слѣдовательно, когда она совершаетъ постыдное, 376. то совершаетъ добровольно ¹, своею силою и искусствомъ; а эти принадлежности — или обѣ, или которая-нибудь изъ нихъ, видимо относятся къ справедливости.

Ипп. Походить.

Сокр. И обижать-то значить дѣлать зло, а не обижать — добро.

Zell. III. 8. 6. Magn. moral. 1. 35. Но знаніе, по мнѣнію Сократа, только тогда—добродѣтель, когда оно бываетъ истиннымъ или живымъ, то есть, когда выражается и сопровождается дѣйствительно добрыми дѣлами. Знаніе, сознательно совершающее зло, на самомъ дѣлѣ есть слѣпота и вовсе недостойно имени добродѣтели.

¹ Извѣстно положеніе Сократовой философіи, что по доброй волѣ никто не грѣшитъ, или всякое нарушеніе справедливости происходитъ отъ недостатка живаго и дѣйствительнаго знанія. Посему выведенное здѣсь заключеніе, что душа совершаетъ постыдное добровольно, надобно считать доведеніемъ изслѣдованія ab absurdum, или Сократическою шуткою надъ софистическимъ умствованіемъ Иппіаса. Имѣя это въ виду, никакъ нельзя согласиться съ Астомъ, что разсмотрѣнный нами разговоръ заключаетъ въ себѣ мысли, несогласныя съ Сократовымъ ученіемъ, и что поэтому онъ не есть подлинное сочиненіе Платона.

Ипп. Да.

Сокр. Болѣ сильная и лучшая душа, когда обижаетъ, не добровольно-ли будетъ обижать, а худая—не невольнo-ли?

Ипп. Явно.

В. *Сокр.* Добрый человѣкъ не добрую-ли имѣетъ душу, а злой—не злую-ли?

Ипп. Да.

Сокр. Стало быть, доброму человѣку свойственно обижать добровольно, а злoму—невольно, если только добрый имѣетъ добрую душу.

Ипп. Да, конечно, имѣетъ.

Сокр. Стало быть, добровольно погрѣшающимъ и дѣлающимъ постыдное и несправедливое, Иппіась, если есть такой, не можетъ быть никто иной, кромѣ добраго.

Ипп. Не знаю, какъ согласиться въ этомъ съ тобою, Сократъ.

С. *Сокр.* Да и мнѣ съ собою, Иппіась: однакожъ изъ теперешняго-то разсужденія выходитъ необходимо это. Я уже давно говорилъ, что въ этомъ отношеніи блуждаю туда и сюда и никогда не останавливаюсь на томъ же самомъ. Впрочемъ, блуждать мнѣ, или иному простяку, нисколько не удивительно: если-же блуждаете и вы, мудрецы, то это уже и для насъ странно; потому-что побывавши и у васъ, мы не оставляемъ своего блужданія.

